

Введение

История есть тогда, когда она рассказана. Если она не просто рассказана, но еще и понята, то тогда это философия истории. Когда история понимается как процесс, то это уже высший поэтический жанр: не просто рассказ, но драма. А если эта драма истории еще и осмысленна, то получается историософия¹. Существует, как предполагается, логика исторического процесса. Существует логика исторической науки. Следовательно, возможна и какая-то логика философии истории. Историософия сама есть смысл, сама есть логика, но только не извлекаемая из царства обыденности, а выходящая за пределы его плоскости в «сферическое» понимание «всего», всей полноты бытия. Вопрос же о том, как это все возможно, мы здесь обсуждать не будем, так как речь не идет о каком-либо исчерпывающем и самодостаточном методе, пока не существующем в области человеческого бытия, а значит, и в том, что мы подразумеваем с той или иной степенью неясности под термином «история». В данном сборнике мы будем обсуждать историю России по возможности с позиции философии истории и историософии, но понимаемых уже с учетом современных данных, учитывая рассуждения об истории, о философии истории и об историософии, о метафизике истории наших великих предшественников.

Интерес к прошлому человечества² породил совместно с убеждением в существовании прогресса идею всемирной истории, затем к этому процессу становления философии истории примкнула выработанная в неокантианстве и философии жизни, широко используемая концепция квазисамостоятельного существования культуры, которая стала объектом эстетического отношения³, перестав быть плотно слитой с самим процессом жизни, и, наконец, обращенная в будущее идея единого целого, т. е. человечества. Этот проект был задуман еще И.Кантом в его идее космополитического гражданского общества, кое представлено как будущее единое человечество, преодолевшее в себе моральное зло, а также в проекте вечного мира. Разумеется, возразить против вечного мира нечего. Но на тех основаниях, которые предложил великий философ, мир невозможно установить. Справедливость будет торжествовать в космополитическом гражданском обществе, по Канту, когда каж-

дый будет себя мыслить как личность, в которой присутствует все человечество, каждый естественным образом будет следовать категорическому императиву, а также и всем гипотетическим. Будет осознавать свою ответственность за все, происходящее в мире. Гражданское космополитическое общество И.Канта, в конце концов, превратилось в религию Человечества О.Конта. Весьма логичное, но все-таки и странное превращение. После Канта к метафизике вообще, а истории в частности философы стали относиться довольно пугливо или выводить неустранимость метафизического взгляда на мир, а значит, и на историю стали из психологических особенностей человека, из свойств его мышления. Правда, всеобъемлющая философия истории Гегеля сохраняла метафизическую точку зрения и еще оптимистическую веру в прогресс, заканчивающийся, правда, на его системе и в прусском государстве. У О.Конта еще сохранялась идея прогресса, трехактовый ход которого непосредственно позаимствован у Тюрго⁴. В позднейшей философии она может только декларироваться, поскольку из-под нее выбито основание «священной истории», эсхатологии, зато в обыденном сознании она удерживается в своем примитивном виде.

Философия, понятая как наука о действительности вообще (а не об отдельных предметах, изучаемых частными науками), отбрасывая предметы частных наук, хочет оставить за собой некий их обобщенный метод. Согласно Г.Риккерт, есть три логические возможности рассматривать научно философию истории: «Имеются три примерно одинаково правомерных науки, из которых каждая имеет свой особый круг проблем: это всеобщая история, учение о принципах исторической жизни и логика исторической науки»⁵.

Акцент на психологической реальности как результат отрешения от метафизической точки зрения, который делается в философии жизни, естественно, ведет к сомнению в существовании конечной цели истории. А если цель сомнительна, то тем более зыбкой становится идея прогресса, наследие просвещенческого взгляда на историю. Телеологическое объяснение истории (исходя из конечной цели) является только правдоподобным, субъективным, оно отвечает психологической потребности, утверждает Г.Зиммель. Метафизика для него – это символическое удовлетворение субъективной потребности в связности, системности, ясности, это точное знание о неточном, ясное о неясном и т. д., и даже вовсе не знание:

«Субъективное воспроизводство, в котором и состоит всякое понимание истории, возможно для нас лишь там, где непосредственно за рядом внешних поступков ставится ряд мыслей, желаний и чувств, но не там, где за последним рядом, уже установленным, еще раз приходится, в качестве носителя и руководителя, ставить духовный принцип»⁶. Этот принцип есть всего лишь выражение интересов, их символическое толкование, этим его значение и его законность ограничивается. Метафизика не ошибается, но не потому, что она всегда правильно познает, «а потому, что она вообще не познает»⁷. Действительно, она не познает, но потому что она нечто знает изначально; такова ее позиция, которую можно в этом отношении назвать аксиоматической. С этой точки зрения невозможно отрицать единство мира, «бытие бытия», присутствие наряду с проявленным не проявленного и т. п.

Идея всемирной истории есть продукт интеллектуальных усилий просвещения, расширявшего представление о прогрессе до истории всего человечества. Стремление к идеям было возможно охвата универсума прошедшей истории одним алгоритмом, а значит, возможность прогнозов на будущее. Если же идею прогресса не считать универсальной, а напротив, локальной и временной, то прогрессом оказывается изменение определенных признаков, параметров, частей неведомого целого в том направлении, которое указывают желания людей, всегда ограниченные и недальновидные. Так что прогресс в одном всегда есть регресс в другом, если не во всем остальном. Кроме того, то, что видится как прогресс, чаще всего есть восстановление, возрождение предшествующих позабытых форм, правда, всегда уже в неузнаваемом виде. Все дело в тех временных масштабах, в которых рассматривается выделяемая цепь событий, называемая историей.

Мы обычно выстраиваем определенную логику идей, на поверхности весьма вероятную. Однако на самом деле «оптика» мира идей в конкретном обществе значительно отличается от «оптики» похожих идей в любом другом обществе. Этого мало, в индивидуальном сознании и самосознании, продуктом коего (наряду с множеством других источников) оказывается философия, в частности философия истории, также присутствует весьма сложная «оптика», вовсе не с одной перспективой и не с одним горизонтом и даже не с одним измерением.

Накопление идей, фактов, «совокупное изменение человеческого опыта в процессе жизни многих поколений – и соответственно также в ходе жизни отдельных людей – не являются во всех случаях просто расширением и увеличением. Существуют также различия в плоскостях рассмотрения... Особая трудность, которую представляет это положение вещей для понимания и изображения, состоит в том, что нельзя, скажем, просто отделить эти взгляды от взглядов других плоскостей сознания»⁸, – полагает Н.Элиас. То, что мы называем «сознанием», не просто многослойно, но построить мысленный каркас этой многослойности и разнонаправленности, который может объять собою данные и методы будущих наблюдений, без упрощений и отчасти произвольных допущений практически невозможно. Все дело в том, насколько «опыт» сознания действительно ограничен «данными». Люди «в состоянии подниматься по винтовой лестнице сознания с одного этажа, характеризуемого одной перспективой, на более высокий этаж с другой перспективой, и одновременно видеть самих себя стоящими наверху, на других ступенях винтовой лестницы. Помимо этого перспектива, взгляд и понимание, характерные для других ступеней, в той или иной форме, входят в собственную перспективу наблюдателя, хотя при этом ее особенности в случае людей, которым она кажется само собой разумеющейся, и тех людей, которые ее приобрели как нечто новое, отнюдь не идентичны; это становится особенно очевидным, если люди оказываются в состоянии рассмотреть свою перспективу наблюдения с позиции более высокой плоскости сознания, то есть на определенном удалении. Насколько далеко можно продвигаться по этой винтовой лестнице, насколько далеко можно по ней подниматься и опускаться, зависит не просто от дарования, от структур личности и индивидуальных способностей отдельных людей, но и от уровня развития и совокупной ситуации общественного объединения, к которому эти люди принадлежат и которое образует рамки со своими границами и своими возможностями; люди же развивают эти возможности или оставляют их нереализованными»⁹. При этом необходимо согласовывать своеобразие наблюдателя на ступени винтовой лестницы и себя как объекта наблюдения. Мысленно преодолеть эту двойственную роль наблюдателя и наблюдаемого, приобретающего и обладающего знанием, субъекта и объекта мышления и познания

крайне трудно. А ведь позиция только наблюдателя, как бы смотрящего извне этой вселенской винтовой лестницы, совершенно невозможна, это было бы сознанием без сознания. Тем более для исторического сознания, т. е. философии истории, которое всегда есть самосознание. Но наш способ самосознания отнюдь не универсален, он вполне специфичен. Основная схема представлений о себе самом и о других людях является элементарнейшим условием ориентации среди людей и возможности, по крайней мере в пределах собственного общества, находить согласие с людьми. Если поставить ее под сомнение, то это будет угрожать собственной безопасности, тем не менее, нельзя не видеть странности собственного образа себя, сравнивая его с «образом себя», которые составляют люди другого общества, другой «винтовой лестницы» самосознания. «То, что было определенным, становится неопределенным. Мы окажемся в ситуации человека, которого вдруг выбросили в открытое море, и он даже не видит на горизонте землю»¹⁰. Но не менее странен и образ человека вообще. Перипетии этого странного образа человека есть средоточие интереса философии истории и метафизики.

Т.Б. Любимова

Примечания

- ¹ Пути философии и драмы, театра расходятся все там же, на светлой вершине древнего мира, в античной Греции. Платон мечтал быть, подобно своему другу Аристофану, драматургом. Видимо, Муза отступила перед взором Афины. Поэзия, суть которой в расточении безо всякого конкретного адреса переполняющей душу любви, уступила место возвышенной любви к истине, у которой есть только один адрес – Афина, мудрость, Истина. Общие и вечные их родители – миф и мистерия.
- ² Сам по себе этот интерес, разумеется, естественен, все дело в том, что именно в истории видится и понимается, как она понимается, ее реальность, смысл, какова *схема* ее понимания.
- ³ Культура, обретя относительно самостоятельное существование и став объектом созерцания и любования, охранения и оберегания, реставрации, есть *музей*, не случайно музей стал символом культуры. Но музей есть мертвое время, это символ смерти. Так же как и деньги, они тоже суть мертвое время, его невозможно обратить в живое, несмотря на видимость противоположного; страсть алчности, жадности неспособна оживить мертвое время. Современная культура с легкостью переводится в деньги, в капитал, да она и понимается как «ценности».

- ⁴ Религиозный, метафизический и позитивистский периоды, эти последовательные части воспроизводят деление истории на Царство Отца, Царство Сына и Царство Святого духа Иоахима Флорского; деление это, очевидно, само напрашивается и проступает в понимании истории с самых первых веков христианства, оно уже присутствует у Тертулиана.
- ⁵ *Риккерт Г.* Философия жизни. Киев, 1998. С. 178.
- ⁶ *Зиммель Г.* Проблемы философии истории. М., 2010. С. 128.
- ⁷ Там же. С. 123.
- ⁸ *Элиас Н.* Проблема самосознания и образа человека // Общество индивидов. М., 2001. С. 143.
- ⁹ Там же. С. 147–148.
- ¹⁰ Там же. С. 134.